

Светлана Едыгарова, Категория посессивности в удмуртском языке, Tartu 2010 (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 7). 289 с.

Защита диссертации Светланы Едыгаровой состоялась 20 августа 2010 года в Тартуском университете, научный руководитель — Тыну Сейленталь, оппонент — Сергей Максимов.

Работа посвящена посессивности в удмуртском языке — одной из основных категорий в удмуртском, как и в других уральских языках. Эта категория в значительной степени отличается от таковой в индоевропейских языках, в частности, способами выражения. При всей очевидной ее важности исследованию посессивности в удмуртском языке до настоящего времени было посвящено лишь несколько статей, в которых она рассматривается как морфосинтаксическая категория, выражающая отношение принадлежности. Подобный подход не позволяет описать всю специфику категории и раскрыть ее семантическое содержание, например, вне внимания исследователей остается предикативная посессия. Тем самым актуальность темы очевидна.

Основная цель, которую ставит перед собой С. Едыгарова, — это определение концептуальной сущности посессивности в удмуртском языке: описание семантических отношений или ситуаций, которые составляют содержание категории, а также опи-

сание их лингвистической кодировки. Последняя может осуществляться предикативным и атрибутивным способами. Автор делает акцент на исследовании атрибутивной посессии, ею используются два подхода — ономаσιологический и семасиологический. Первый исходит из особенностей выражения посессивности, второй позволяет анализировать посессивные конструкции и их значения.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списков сокращений и источников, а также солидного списка использованной литературы.

В предисловии (с. 4—6) обосновывается выбор темы, ее актуальность, формулируются цели работы, описываются методы исследования, его теоретическая база и источники. В качестве последних использованы произведения художественной литературы, диалектные тексты и современная периодика.

В первой главе интерпретируются основные теоретические понятия и положения, рассматриваются некоторые фундаментальные подходы, которые легли в основу анализа языкового материала, в частности дается толкование понятия посессивности. Здесь же затрагивается проблема изучения категории посессивности в удмурт-

ском языке, анализируются (нередко с критическими замечаниями) существующие работы по удмуртскому языку, посвященные исследуемой теме.

Вторая глава содержит описание типов посессивных отношений, которые рассматриваются в семантических рамках притяжательности, т. е. исследуются с ономаσιологической точки зрения. Подобный подход позволяет выявить конструкции, которые в удмуртском языке до сих пор не рассматривались в рамках посессивности. Разбирая типы посессивных отношений, автор наряду с такими известными типами, как одушевленная и неодушевленная посессия, принадлежность к пространству и времени и т. д., впервые в удмуртском языке выделяет абстрактную посессию, а также ассоциативную, или несобственно посессию. Суть абстрактной посессии — выражение противоположного притяжательности значения, в частности, с помощью каритивного суффикса *-tem* или маркера абессива *-tek*, например, *ki-tem piosmurt* 'безрукий мужчина', *korka lipet-tek kil'em* 'дом остался без крыши'. Выделение ассоциативной посессии позволило установить формы (конструкции), хотя и оформленные посессивными суффиксами, но не выражающие буквальную принадлежность, например, *Нош ик в и с и с ь ё с - ы з доры мынэ* 'Опять [врач] идет к (с в о и м) б о л ь н ы м'.

В третьей главе рассматриваются конкретные морфосинтаксические конструкции, выражающие значение посессивности, а также особенности их дистрибуции и функционирования. Кроме традиционно выделяемых в удмуртском языке конструкций, например, имя с посессивным суффиксом, генетивные и аблативные конструкции и некоторые другие, впервые в рамках атрибутивной посессии исследуются конструкции с элативом, инструменталем и абессивом, конструкции с деривационным суффиксом *-o* комитативного значения и суффиксом *-tem* каритивного значения, а также конструкции с суффиксами *-ala*, *-lo*, выражающими временные отношения.

Анализируется автором и категория неотчуждаемой посессии, в отношении которой удмуртский язык относится к тем немногим языкам, в которых морфологически дифференцируются (в единственном числе) отчуждаемые и неотчуждаемые объекты обладания. В первом случае используется *Px* (посессивный суффикс) с огласовкой на *-e*, например, *korka-(j)ez* 'его дом', а во втором — с огласовкой *-j*, например *jjr-jz* 'его голова'. При описании названной категории от автора не ускользнула даже такая деталь: если неотчуждаемые имена употребляются в «отчуждаемой ситуации», то они тоже оформляются гласным *-e*, например, *зёк йыр-эз* 'её Большоголовой (прозвище мужчины)'.

Особое внимание уделено парадигме притяжательного склонения имен, в системе которой *Px* и *Sx* (падежные форманты) имеют разные принципы сочетания. Существующие гипотезы в отношении варьирования *Px* и *Sx* не объясняют полностью особенности этого явления в удмуртском языке, например, в послеложных конструкциях типа 1) *mjanam žek-e vilin* 'на моем столе'; 2) *mjanam žek vil-am* 'у меня на столе'. Разное расположение *Px*, по мнению С. Едыгаровой, можно объяснить с помощью метода спецификации: *Px* следует после знаменательного компонента послеложной конструкции в случае его спецификации, а после послелога — в случае спецификации референта.

В четвертой главе кратко описываются предикативные конструкции, их семантические и функциональные особенности. Следует отметить, что предикативная посессия в удмуртском языке ранее совершенно не изучалась.

В заключении в концентрированном виде представлены основные итоги работы, дана оценка процессу и результатам исследования.

Несмотря на безусловную тщательность и глубину проведенного исследования, некоторые вопросы, связанные с темой, остались без ответа.

1. В удмуртском языке существуют взаимно-личные местоимения: *ог-огмы*

(*ог-ог.мес*) 'мы друг друга', *ог-огды* (*ог-огдэс*) 'вы друг друга', *ог-огзы* (*ог-огзэс*) 'они друг друга', которые образуются от основы *ог-ог-* (полная основа *одиг-ог-*) букв. 'один-один, один одного (взаимно)' путем присоединения *Рх*, указывающих на множество обладателей (и соответствующее лицо). Но к данной группе местоимений относится и *ог-огед* (*ог-огдэ*), образующееся с помощью *Рх* 2-го лица единственного числа. В грамматиках оно нигде не упоминается, как и в рецензируемой работе.

2. Не отражены конструкции, состоящие из сочетания инфинитива и объекта с *Рх* 2-го лица единственного числа, например: *вождэ поттыны* (*кулэ өвёл*) 'сердиться (не нужно)', *йырде кур карыны* 'сердиться, злиться', *пыдде вось карыны* (*кема өвёл*) '(и недолго) ногу ушибить'. Было бы интересно узнать у автора, каково семантическое содержание данных конструкций с точки зрения когнитивной лингвистики, почему в подобных конструкциях употребляется *РХ* 2-го лица, а не 3-го, как, в частности, в финском языке?

Резюмируя, можно утверждать, что С. Едыгарова справилась с поставленной задачей. Перед нами оригинальное исследование, проведенное с учетом предшествующих трудов по данной тематике, с использованием новых подходов и методик в отношении удмуртского языка. Работа отличается скрупулезностью и глубиной анализа. Наблюдения и выводы аргу-

ментированы. Предварительные результаты опубликованы, в том числе и в журнале «Linguistica Uralica» (Attributive Possession in Udmurt Language. — LU XLV 2009, 101—118).

Автор своим исследованием в удмуртском языке решила широкий круг вопросов, связанных с категорией посессивности, попутно уточнила некоторые проблемные или малоисследованные моменты исторической фонетики и морфологии. Предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Теоретическая и практическая значимость выводов несомненна. Они могут быть использованы при типологических исследованиях как родственных, так и неродственных языков. Результаты исследования найдут применение при составлении новой грамматики удмуртского языка. На их основе может быть разработан вузовский спецкурс для филологов. Исследование станет хорошим подспорьем в преподавании удмуртского как неродного, например, для русскоязычного населения Удмуртии, для иностранных студентов-филологов, а также обрусевших детей-удмуртов.

СЕРГЕЙ МАКСИМОВ (Ижевск)

Address

Sergej Maksimov
Udmurt State University
E-mail: makser02@yahoo.com